Красная комната

Автор:
Алексей Шутеев

Красная комната

Алексей Николаевич Шутеев

Как бы вы отреагировали на новость о том, что откуда не возьмись появился человек, исполняющий Ваши заветные желания? Дело об этом "шарлатане" сразу приглянулось следователю КГБ СССР Волкову, но он не подозревал, в какую авантюру его занесёт судьба. Будни образцового советского майора разбавились нотками мистики, загадочности и неизвестности. Стоит ли всем нашим желаниям сбываться? Что скрывает в себе "исполнитель желаний" и кто он? Как главный герой проведёт расследование, с чем столкнётся, и какие выводы Волков сделает для себя лично?

Глава

I

«Прибытие»

Стюардесса – для советских девушек эта профессия была одной из самых желанных: красивая строгая форма, ослепительная улыбка и постоянное внимание мужской части пассажиров, среди которых находился тридцатисемилетний оперсотрудник «Особого резерва» КГБ СССР Николай Алексеевич Волков. Пятилетнее пребывание под прикрытием в Германии изменило его некоторые повадки, присущие обычному советскому мужчине. Граждане великой державы, в силу своего укоренившегося недоверия к

«забугорным» людям, искоса посматривали на него, предполагая откуда же этот иностранный агент возвращается. Одни путали его с поляком, другие с французом, а некоторые всё же попали в точку, приметив у незнакомца немецкий чёрный кожаный плащ. Все эти предположения упирались в потолок неизвестности, за которым была информация, предназначенная не для ума граждан социалистической республики.

К Волкову подошла одна из молоденьких стюардесс, в след которой смотрели мужчины, разинув пасти как хищники. Бежевые колготки в сочетании с коротковатой, по меркам стареющей моды, юбочкой, создавали достаточно притягательный образ, особенно если дама молода и стройна. Также обязательными атрибутами формы были белая блузка и синий жакет, подчеркивающие достоинства девушки.

– Вы что-то хотели, господин… – затянула стюардесса, не знавшая как обращаться к человеку.

– Волков.

– Господин Волков.

– Мне, пожалуйста, сто грамм вермута, и…

Женщина недоумённо посмотрела на пассажира, ожидая окончания просьбы.

– И бутербродик с колбаской, а лучше два. Спасибо.

Сидевшие рядом усмехнулись, думая о том, кем же себя возомнил этот иностранный выскочка, так хорошо говорящий на русском. Стюардесса поправила свой головной убор и ответила по форме:

– Господин Волков, распитие алкогольных напитков на борту самолёта запрещено. Если у вас есть какие-то претензии и вопросы, я могу позвать командира экипажа, он к вам подойдёт.

В голосе девушки слышалась неуверенность. Видимо, этот рейс в её карьере был один из первых. Мужчина поправил воротник кожаного плаща и, очень по-

европейски, улыбнулся. Он молча полез во внутренний карман и достал из него красное удостоверение, которое Волков мигом развернул и показал стюардессе. На её лице застыл страх, голос и телодвижения сковались, но, взяв волю в кулак, бедняжка отрывисто сказала:

– Прошу прощения, Николай Алексеевич, ожидайте…

Упругая попка быстро растворилась в салоне авиалайнера. Волков улыбнулся сам себе и уставился в окошко иллюминатора. Женщина, сидящая с ним по соседству, боялась на него посмотреть. Она еле заметно тряслась, вспоминая свои противозаконные делишки за последний месяц.

– Хороша погода на родине, не так ли, гражданочка? – спросил у соседки Волков.

– Да, погода что надо, – замялась женщина.

На вид ей было около сорока пяти лет, лицо не скрывало следы пристрастия к горячительному, а голенища ног судорожно зажимали дорожную сумку. Она ни разу так и не посмотрела в глаза Волкову, приметив у него на груди еле торчащий значок сотрудника КГБ.

– Чего это вы сумочку то наверх не положили? Там хорошие полки.

– А мне так спокойнее, товарищ Вол…

– Волков, а вас как звать?

– Нина Фёдоровна. Так вот. Мне спокойнее, когда своё рядом.

– А откуда вы, Нина Фёдоровна, летите? Тоже из Берлина?

– Да. Была у двоюродной сестры в гостях, гостинцев мне передала.

– Гостинцы в этой сумке, верно? – улыбнулся мужчина.

– Да, там много банок с соленьями, импортными. Вот и держу у ног, чтобы на голову никому не упало. А то так возьмешь ещё грех на душу, – захихикала женщина, вытирающая пот шёлковым платочком.

– Чего это вы вспотели то?

– Душновато, товарищ особист.

– А вы внимательны, – с улыбкой сказал Волков. – Только вот подачу воздуха не отключали, никто не потеет, а у вас уже капли на лбу собираются.

– Да бросьте вы, – смеялась женщина, – болею я. Потливость. Бывает.

Хихикающая дама крепче сжала дорожную сумку. Она попыталась успокоиться и не вызывать никаких подозрений у стража закона.

Волков уронил свою стальную ручку на пол и специально попытался придвинуть её ногой к себе. Он несколько раз задел сумку незнакомки и, после череды извинений, он с улыбкой вернул ручку во внутренний карман плаща. В момент не самых слабых касаний ногой никакого лязга стеклянных банок не послышалось, что было весьма странно.

– Соленья, значит, – продолжил особист. – Помидорчики, огурчики, да?

– Обижаете, товарищ, этого добра у меня и на даче много. Я вот везу персики, арбузы, в общем всё то, что у нас редкость нынче.

– А давайте я подержу? Вы уже устали изрядно, потеете.

Как только Волков приподнял сумку за ручки, женщина нечаянно ударила ладонью по его руке и сразу же извинилась.

– Чего это вы, в самом деле? Я, как и прилично любому мужчине, хотел облегчить вашу ношу, а вы сразу избиваете.

– Ох, что вы, что вы, я сама справлюсь! – хихикая ответила женщина, пот которой уже капал с волос на шею.

– А знаете, ваша двоюродная сестра достаточно жадная. Сумочка то даже не тяжёлая.

Незнакомка замялась, не зная, что сказать. Со стороны это была всего лишь беседа с улыбкой, а на деле в эту минуту охотник догнал рыжую лисицу, которая упёрлась в обрыв.

– Ну так что, сами расскажите, или мне досмотр произвести?

– При свидетелях?

– Конечно при свидетелях. Возьмём двух пассажиров, напишем протокольчик, а там и посмотрим, чего это вы из Берлина везёте.

– Не н-н-надо, я вам лучше так п-п-покажу, хорошо?

– Договорились, но учтите, если вы везёте что-то запрещённое, тем самым подрывая стабильность и нравственность Советского Союза, я буду вынужден действовать самыми грубыми методами, – грозно, без прежней улыбки, сказала Волков.

В этот момент в разговор вмешалась стюардесса, которая подвезла столик на колёсиках. На нем стоял графин с водой, стограммовый стакан с вермутом, несколько бутербродов на белой тарелке и тройка малосольных огурчиков.

– Вот, товарищ Волков, как вы просили, – сказала девушка и учтиво улыбнулась.

– Благодарю вас, очень приятно.

– Я могу идти?

– Да, конечно! Спасибо!

Соседка подумала, что ей очень повезло. Она прикрыла глаза, сделав вид, что спит.

– Так на чём это мы остановились? – сказал особист, выпив залпом вермута и закусив огурцом.

Мужчина, который усмехался над ним, широко разинул рот и уставился на шикарный стол. «Кто же это такой, что перед ним так бегают?» – подумал тот.

– Ах да, сумка, точно!

– Показывайте, показывайте…

Когда женщина достала содержимое, у Волкова чуть не вылетел от смеха бутерброд изо рта. Он сдержался, прожевал колбасу и сказал:

– Значит, Нина Фёдоровна, летите спекулировать? Чего это трусы такие странные? Узковатые. Кто такие носить то будет?

– А это мода у них там такая, товарищ Волков. Говорят, мужчины безума. Может быть и у нас полюбят.

Женщина положила огромную стопку нижнего белья обратно, начала застёгивать молнию, но её остановил внимательный оперсотрудник.

– А вон там, в углу? Что там было? Сами всё покажите, или мне смотреть?

Спекулянтка нехотя достала связки упаковок с чулками разных цветов: бежевых, чёрных и белых. Волков усмехнулся, доел последний бутерброд и сказал:

– У вас, я погляжу, весь набор! Что будем делать то? Везёте бельё для перепродажи, нехорошо… Считаете, что советский социализм не даёт трудолюбивому гражданину носить хорошее отечественное бельё?

– Так вы ж сами…

– Что я? Спекулянт?

– Плащ то у вас не наш. Немецкий. Социализм не дал хорошего плаща?

– Ещё и спорите. К вашему сведению, в Германии я находился долго, и ходить в старой одежде мне было не к статусу. Кстати, по прибытию в аэропорт, вы будете переданы в руки милиции, пусть они с вами разбираются. Я уже устал от вашего скользкого характера. Могли бы поблагодарить. Для оперсотрудника КГБ я с вами слишком учтив.

– Спасибо вам, – грустно ответила женщина, поняв, что дело запахло жареным.

Диспетчер объявил о прибытии в Москву и постепенном снижении. В окошках красовалась столица с птичьего полёта. Везде мелькали вечерние огни, коих было немалое количество. Вдалеке виднелся Кремль, местами торчали красивые и монументальные сталинские высотки, и всю эту красоту разбавляли панельные хрущёвки – гордость советского домостроения.

Волков, вынужденный пригнуться из-за своего высокого роста, подошёл к выходу, осмотрел аэропорт и сказал:

– Эх, года идут, а ничего не меняется.

– И правда, – поддержала стюардесса.

Пока наряд милиции догонял проворливую спекулянтку, которая бросилась в сторону взлётной полосы, оперсотрудник с коричневым чемоданом в руке направился к пропускному пункту в Домодедово. Пройдя осмотр багажа, он вышел к парковке, где любили толпиться таксисты, перебивая друг у друга цену на копейки.

– Давай ко мне, довезу, глазом моргнуть не успеешь! – сказал один из таксистов с сигаретой в зубах.

– До Кузнецкого моста к зданию КГБ за сколько довезёшь?

– Три рубля и по рукам!

– Поехали, только багажник открой, чемодан брошу.

Старенькая Волга первого выпуска грузно тронулась с места и растворилась в общем потоке машин. Таксист постоянно смотрел в зеркало заднего вида, рассматривая своего необычного пассажира.

– Что вы так на меня смотрите, товарищ таксист? – спросил Волков.

– Да не знаю, тянет меня к интересным личностям! – ответил водитель, перестраиваясь на левую полосу.

– Так, а что же во мне интересного? Обычный русский мужик, приехавший из-за границы.

– Так сразу и не скажешь, кожаный плащ… импортный. Чемодан – импортный… Борода как у иностранца. Они там за собой не ухаживают, погрязли в растлении и жажде денег. А у нас идеалы другие, социалистические, мы то не дадим просочиться этой скверне.

– Ну уж очень вы категоричны, товарищ таксист, не так уж всё там плохо, но это не важно. Везде хорошо, а у нас – намного лучше!

– И правда! Слава советскому народу! Меня Миха зовут, а вас как?

– Колька, – улыбнулся Волков.

– А по батюшке?

– Алексеич.

– Ну так вот, Николай Алексеевич, подвозил я вчера, значится, двух дам из Праги. Скажу я вам, разврат, да и только…

Миха, он же Михаил, продолжил рассказывать о двух подвыпивших дамах, склоняющих его, женатого и добросовестного советского гражданина, ко всякой похабщине, от которой он, конечно же, безоговорочно отказался. На последнем слове он дополнительно сделал ударение, а затем снова повторил, что отказался. Глаза его задёргались, и он плюнул через окошко в двери. Далее он

еле заметно нервничал, посматривая то на дорогу, то на пассажира, то на свое обручальное кольцо, которое лежало возле коробки передач под пачкой сигарет и игральных карт.

– Приехали! – гордо сказал таксист.

– Уже? Славно, славно. Я даже успел вздремнуть. Вот, держите, – сказал Волков и дал таксисту пятирублёвую банкноту.

– Тут такая проблема, сдачи у меня нет…

– А не беда, оставьте себе. До свидания.

Пока пассажир вытаскивал чемодан, Мишка-таксист быстро бросил деньги в бардачок, где скопилось множество рублёвых монет.

– Ох эти особисты, пугают нас, но наш народ не глупый, всегда выживет!

Он помахал рукой Волкову и быстро уехал. Оперсотрудник КГБ осмотрел родное здание «Госбезопасности», как его любили называть служивые, достал подсигар и запалил немецкую сигару, дым которой обволакивал густую бороду и усы.

– Года идут, а ничего не меняется… – сказал Волков, потушил подошвой недокуренную сигарету, и пошёл ко входу в здание.

Глава

II

«Новый коллектив»

Волков подошёл к дежурному, будка которого стояла справа от главного входа. Тот не заметил гостя и продолжал что-то тщательно писать. Оперсотрудник тихо подошёл к окошку и посмотрел, чем же так увлечённо занимается молодой сержант. У последнего на столе лежал свежий номер «Комсомольской правды», журнал с кроссвордами и вчерашний выпуск газеты, служивший подложкой под бутерброды и гранёный стакан с чаем. Рядом тихо играл приёмник с какой-то едва различимой музыкой в эфире.

– Здравия желаю, сержант! – громко сказал гость.

Дежурный резко встал. С его головы упала фуражка, а стол покрылся лужей сладкого остывшего напитка.

– Здравствуйте! Кто вы?

– Майор «Особого резерва» КГБ Волков Николай Алексеевич. Начальник на месте ещё?

– Товарищ майор, уже почти десять вечера, комитет не работает. Начальник вообще днём ещё уехал. Вы лучше завтра приезжайте, будет с утра на месте.

– Да что ж ты стоишь то? Стол хоть вытри…

– Спасибо, товарищ майор!

– А пока вытираешь, вспомни, кабинет №169 занят?

Молодой сержант быстро стёр всё со стола и посмотрел в толстый журнал с множеством колонок, каких-то подписей и прочего.

– Ну, что там? – поторопил Волков.

– Приказом заместителя председателя этот кабинет был опечатан на пять лет как раз до завтрашнего числа. Вот так совпадение.

– Ай Георгий Кузмич, ай молодец! Сохранил мой кабинет от всяких выскочек-новичков. Ключ есть?

– Я не могу вам выдать ключ. Во-первых, вы так и не показали удостоверение, а во-вторых, нужно распоряжение заместителя, чтобы печать вскрыть на двери.

Волков достал из плаща удостоверение и предъявил его дежурному. Тот подставил документ под увеличительное стекло и начал выискивать признаки подделки. Подняв фуражку с пола, он, не отрывая взгляда от документа, надел её на голову.

– Документ чист, всё в порядке. Майор, я уже полгода тут дежурю и ни разу вас не видел, вы с другого города?

– Нет, я москвич. Мои ноги уже семнадцать лет топчут этот каменный пол. Пять лет был «нелегалом» в Германии, собирал важные сведения.

– Ничего себе… Разведка… Мечтаю туда попасть! – не сдержался сержант и горящими глазами осматривал майора.

– Скажу тебе так. В твои годы я тоже мечтал об этом, а как получил… Сложная эта работёнка, товарищ сержант! Тяжело многие годы скрываться, шифроваться, внедряться, и постоянно опасаться того, что тебя раскроют.

– Ну а что там в Германии то? Помнят ещё подвиг наших отцов?

– Помнят и чтут. Сам понимаешь, не могу тебе ничего сказать, но в целом, всё стабильно и хорошо. Что с кабинетом то?

– Хоть документы в порядке, но всё же я не могу вам дать ключ. Нужно распоряжение заместителя председателя…

– Ну так позвони Кузмичу, доложи, что Волков вернулся.

– А вдруг спит? Или важные дела? Так он же меня, товарищ майор…

– Набери номер, я сам поговорю.

Сержант осторожно набирал каждую цифру на телефоне, затем услышал гудки и быстро передал зелёную трубку майору, сняв с себя всю ответственность.

Волков взял трубку и уставился в окно. Через несколько гудков майор улыбнулся и сказал:

– Георгий Кузмич, здарова! Да-да, это я, Колька Волков! Ага, да.

Сержант смотрел на гостя как на героя, видя в нём персонажей из свежих советских героических фильмов. Волков и в самом деле был неповторим. Статный, высокий, густые волнистые волосы и серые глаза. А бледноватая кожа? Признак «голубых кровей»! А как дополнял этот образ строгий чёрный кожаный плащ?

– Да переночевать негде, Кузмич! Можно мне сержант ключики то даст, а? Утром потом обговорим о результатах командировки. Да. Да. Я понял. Передаю.

Волков вернул трубку дежурному, тот с максимальным вниманием выслушал все слова заместителя председателя и громко сказал:

– Есть, товарищ генерал!

Сержант положил трубку и потянулся к ключам от кабинета, висевшим на большом стеллаже.

– Товарищ сержант, а что, Кузмич теперь генерал стало быть?

– Так с декабря семьдесят восьмого уже генерал! Вы не застали?

– Нет же, меня же пять лет не было.

– Прошу прощения, товарищ майор!

– Вольно, вольно, ты мне лучше ключ дай.

Дежурный отдал колечко, на котором был ключ и металлический жетон с номером 169. Волков поднялся по широкой лестнице на второй этаж, повернул в правое крыло и сразу же нашёл свой кабинет, да ещё и моментально попав нужной стороной ключа в замочную скважину, словно делал это вчера и десять лет до этого. Печать с бумажкой оторвалась, а из двери в нос ударил запах старины.

– Ну хоть бы иногда проветривали! – недовольничал Волков.

Он машинально поднял правую руку, нащупал выключатель и включил свет. Лампа на потолке не загорелась.

– Да что б тебя! – выругался майор.

Подойдя к родному шкафу, он выдвинул центральную полку и вытащил длинный советский фонарик. Нажав на красную кнопку, он убедился, что прибор рабочий.

– Ну вот есть же что-то вечное в этом мире! Наш фонарик!

Особист порылся по шкафам и нашел несколько лампочек, обёрнутых в картон. Через десять минут кабинет щедро освещался светом, который не горел здесь уже пять лет. На столе в том же положении что и раньше стояла настольная лампа, перевязанные стопки уголовных дел, стаканы с канцелярскими принадлежностями и домашний кактус, который, к удивлению, до сих пор не засох.

– Года идут, а ничего не меняется… – сказал майор и повесил свой плащ на вешалку.

В его кабинете был не только стол и один стул, как во множестве других. Его место было добротно обжито. Любой сотрудник, войдя сюда, сразу бы приметил, что кабинет офицерский. Напротив входной двери стоял вышеупомянутый стол, за ним широкое окно с красивым видом на Москву. Справа от двери на всю стену разложился комплекс из шкафов и полок. Некоторые из них были стеклянные, а за ними под слоем пыли стояли хрустальные стаканы, японские тарелки. Две трети полок занимали картонные папки с делами, которые когда-то вёл Волков. Слева же, находилось просторное кресло, а стена была усыпана множеством фотографий и государственных благодарностей. Конечно же, как и у любого

уважающего себя советского человека, в центре располагалась фотография Брежнева.

Волков открыл дверцу своего сейфа, где лежали его личные документы и вещи. Он вытащил железный футляр и положил его на стол. Закрыв за собой дверь и выключив свет, особист включил настольную лампу и сел на свой удобный стул. Открыв футляр, он достал свой любимый АПС (автоматический пистолет Стечкина), обойму к нему и принадлежности для ухода.

За окном полил дождь. Полуночная Москва в сопровождении кристально чистых капель, ударяющих по стеклам и железным подоконникам, сводила Волкова с ума. В тусклом свете лампы, он уставился в мокрое окно, вдыхая аромат свежего воздуха и мокрого асфальта.

– И всё же хорошо, когда есть что-то неизменное… – сказал майор, наслаждаясь любимой погодой.

Почистив свой АПС, он положил его в кобуру, а её в свою очередь, закрепил на ремне. Под звуки дождя майор уснул в своём пыльном кресле, на котором он частенько ночевал в молодые годы.

Наутро Волков проснулся от настойчивых стуков в дверь.

– А ну открывай, герой! – доносился жёсткий железистый голос.

Отворив дверь, особист увидел своего старого приятеля – генерала Цинёва Георгия Кузмича, заместителя председателя КГБ СССР. Это был полноватый рослый мужчина, с пролысиной на голове, давний друг погибшего отца Волкова. По его лицу было тяжело сказать, что этот человек координировал отдел контрразведки, но за него говорила россыпь медалей и орденов на мундире.

– Ну, что ты встал, пройти то можно? – поинтересовался Георгий Кузмич.

– Да, конечно, только я тут убраться не успел, уснул вчера.

– Это понятно, с дороги, да ещё и ночью. Ну что, докладывай! – сказал начальник, закрыв на ключ дверь и все окна.

Доклад Волкова занял не меньше двух часов. Всё началось с внедрения, приспособления, обыденной берлинской жизни. Потом майор рассказал о информаторах, действующих в городе, и о информации, которую ему удалось добыть за последние пять лет. Иногда мужчины прерывались, чтобы пропустить по сто грамм, закусывая свежей краковской колбасой, нынче дефицитной.

– Н-да, Алексеич. Поработал ты на славу. Выпишу тебе билет в санаторий на две недели, а потом будешь трудиться дальше, на благо Советского Союза.

– Да не надо мне санатория. Ты лучше переведи меня в следственный отдел. Молодость вспомню. Я ж с этого и начинал, обычный следак. Вернусь к истокам. Хочется уж мне размять косточки. Думаю, интересных дел щас много всяких, скучно не будет.

– Это да, преступность не дремлет. Убийства, разбои, гос измены…

– Отлично. Ну так что, переведёшь? Без всяких санаториев и прочих условностей.

– Запросто. Там как раз мне нужен свой человек, которому доверять можно. Сам понимаешь…

– Да. Конечно.

– Тогда по рукам. Сейчас напишу распоряжение, отошлю его в Следственный отдел. Они ж в другом месте, как ты помнишь. Завтра утвердим тебя на посту начальника следственного.

Через два дня, по счастливой случайности, Волков ехал к зданию следственного управления на том же такси, что и недавно с аэропорта. За рулём был всё тот же Миша, в салоне всё так же стоял запах сигарет, и водитель всё так же ругался на других автомобилистов.

– Да что б у тебя колёса оторвались! Приоритет мой был! – крикнул таксист и засигналил.

– Да тише ты, чего орать то, всё равно делу не поможешь, – спокойно сказал майор.

– Вот Алексеич, иногда так хочется прибавить газу, и как засадить ему в бочину! Да машину жалко, хороша ласточка, столько лет вместе!

– Правильно, чего пробки создавать? Что там у тебя, никакие иностранки больше не соблазняли?

– Алексеич, чесслово, я тогда отказался. Вот выдры, охотятся на мужиков. Рассадник!

– Ты бы хоть кольцо своё обручальное надел, авось меньше будут приставать.

– Верно, гражданин майор! Очень верно подмечено!

Таксист нащупал под пачкой сигарет пыльное кольцо и надел его на палец. Наступила тишина. Волков смотрел в окно, рассматривая Москву, по которой он так сильно соскучился. По улицам по-прежнему толпился народ, который как обычно собирался в кучки либо возле спекулянта, либо возле аппарата газированной воды, либо у входа в метро. В глаза бросилась группа хиппи из семи человек. Они были странно одеты, все с длинными волосами, разноцветной одеждой и гитарами за спиной. Машина проехала возле недавно открытой станции «Авиамоторная».

– Вот метро, а! Каков механизм! Всё разрастается и разрастается. Боюсь, как бы не открыли ещё больше станций, люди так совсем такси пользоваться перестанут.

– Не перестанут, не всем же нравится толпиться и ждать. Вдруг нужно куда-то быстро и комфортно доехать, вот как мне, например.

– Вы как всегда правы, товарищ майор. Светлая голова!

Как только Волков удалился от машины, таксист сплюнул в окно и снял кольцо, положив его на прежнее место. Он мелочно собирал деньги и тихо бормотал под нос различные проклятия в сторону «кгбшников».

Подойдя к нужному кабинету, Волков поправил волосы и постучался в дверь. Он сразу же услышал призыв войти и открыл дверь.

– Я так понимаю, Волков? – сказал лысый мужчина в очках.

– Да, товарищ майор. Он самый.

– Значит, вместо меня будешь. Меня тут резко захотели перевести в другой отдел. Не буду разбираться, почему так вышло, там сам чёрт голову сломит.

– Мне сказали, что тут есть место, – сказал особист.

– Теперь есть, но оно сразу же занимается вами. Поздравляю, – сухо сказал майор, спешно складывающий личные вещи в чемодан. Затем он добавил:

– Вроде бы всё. Заступайте на должность. Успехов вам и всего самого…

– Подождите-ка, уже?!

– Да, приказ подписан. Вот вам ключики, всё лишнее можете выбросить. Ну, я побежал.

– Подождите! Вы забыли… Тьфу!

След майора простыл, словно его и не было. Интересные эти люди – следаки. Волков бросил на небольшой кожаный диванчик чемодан и принялся рассматривать помещение. Патрульным было приказано перевезти всё добро из прошлого кабинета в новый. Около недели потребовалось новому начальнику следственного отдела для «обживания» нового места. В целом, ребята-следаки попались ему толковые, исполнительные и лыком не шитые. Майор вспоминал молодые годы, когда его, совсем ещё зелёного, перевели в этот отдел. Много чего произошло за то время, пока его карьера шла вверх, но он ещё не знал, что произойдёт дальше, наверное, к счастью…

Глава

III

«Первое дело»

– «Гражданин Степанов утверждает, что некий товарищ Добров чудным образом вернул его ногам возможность уверенно ходить. По его же словам, более десяти лет он передвигался на инвалидной коляске, что подтверждается не только справками лечащего врача, но и выписками из больницы, к которой данный гражданин приписан» – прочитал вслух из рапорта выездного сотрудника Волков.

– Что за бред здесь творится… За идиота меня держишь, Друзь?!

– Записал всё так, как было, товарищ майор, – нервно ответил подчинённый.

– А это что?! «По словам Степанова выяснилось, что перед тем, как он почувствовал силу в ногах, тот самый Добров снял с шеи золотою цепь с каким-то камнем, приложил к нему свои руки, а затем и руки допрашиваемого Степанова». Очередной целитель?! Таких сажать надо лет на пятнадцать, чтобы народ наш не дурачили!

– Товарищ Волков, но ведь до этого он проходил интенсивное лечение и ничего не помогало, а тут сразу же на следующий день после визита…

– «В кабинет безвозмездной помощи»! – с долей недовольства процитировал майор.

– Так точно! Я опросил соседей, они так же подтверждают, что Степанов постоянно был в коляске, даже не мог выйти на улицу. Они его всем этажом периодически вывозили на прогулки.

– И что, как к нам это дело попало?

– Так гражданин Степанов – рецидивист! Как только смог бегать, сразу же ограбил некую гражданку Петракову, она продавала лисьи воротники у соседнего дома.

– Десять лет прошло, а ничего не изменилось… Как только на ноги встал, так сразу за старое. И что теперь с ним?

– Сидит в отделении милиции, ожидает следствия.

– Всё было бы весьма очевидно, если бы не тот факт, что такой больной резко стал ходить и бегать. Видимо, тот Добров, первоклассный шарлатан. Ещё что-нибудь узнал?

– Нет, товарищ майор. Дело передал вам. Вы просили докладывать о странных и интересных делах.

– Хорошо, Друзь. И это, извиняй за крики, самочувствие сегодня скверное…

– Рад служить, товарищ майор! – сказал подчинённый и отдал честь.

– Вольно. Свободен. И еще, Друзь, про это дело ни-ко-му. Знаю я, щас побегут в этот чёртов кабинет, бессмертие да баб выпрашивать!

– Есть никому не говорить, товарищ майор!

– Вот так-то, молодец, генералом будешь.

Волков сел за свой стол и заново начал пролистывать дело. Он частенько ухмылялся, не веря в то, что написано на листах. Следователь тщательно изучил описание целителя Доброва, походившего на обычного преподавателя, а может и заведующего кафедры, какой-нибудь философско-пустотрёпской науки. Открыв свой новенький дипломат, он бросил в него расследуемое дело, свою толстую записную книжку, купленную на днях в канцелярском, пачку сигарет и стопку сторублёвых купюр, стянутых резинкой. Таких стопок в его железном сейфе было немало. Будучи в Германии, Волков зря время не терял. Он открыл на небольшой улочке свой магазин по продаже алкоголя и табака, что было весьма прибыльно и удобно для отвода глаз.

Как назло, рядом со зданием следственного не было ни единого таксиста. Прождав пятнадцать минут и выкурив одну сигарету, Волков перешёл дорогу и спустился в метро. Добравшись по эскалатору до платформы, майор сразу же забежал в вагон и сел на свободное место. Благо, людей было мало, в обеденное время многие работали, что значительно сокращало загруженность метрополитена.

– «Станция Павелецкая. Переход на станции кольцевой линии» – сказал диспетчер вагона пассажирам. Многие вышли из поезда, в том числе и майор. Последний сразу направился на кольцевую и быстро доехал до Добрынинской, а после вышел в город. Кругом стояли однотипные дома с достаточно красивыми фасадами, гуляли родители с детьми, пока октябрь радовал погодой, а улицы патрулировали милиционеры. Подойдя к ним, Волков обратился к старшему по званию:

– Товарищ, подскажите, где тут находится главное отделение милиции, ну где у вас подозреваемые сидят? Не бывал здесь, плохо ориентируюсь.

– С какой целью интересуетесь?

– Мне нужно найти одного человека, на днях он женщину ограбил.

– А, этот старик, как там его…

– Степанов.

– Да, он самый. Ну, вам нужно перейти через вон ту дорогу, свернуть налево, потом прямо до конца сквера и сразу же упрётесь в отделение. А вы кем приходитесь этому Степанову, я могу узнать?

– Слишком ты много вопросов задаёшь, товарищ милиционер, – с ноткой недовольства сказал майор.

– Предъявите свой паспорт, вы кажитесь мне подозрительным! – в повелительной форме сказал старший патрульный.

Волков ослабил верхнюю пуговицу плаща, вытащил красное удостоверение с семью заветными золотыми буквами «КГБ СССР» и развернул перед назойливым человеком.

Патрульные мигом выпрямились, отдали честь, а старший сразу же сказал:

– Прошу прощения, товарищ майор, не знал!

– Не знание что…?

– Не освобождает от ответственности!

– Ничего, прощаю. Хвалю за бдительность.

Особист развернулся и пошёл к переходу через оживлённую улицу. Через полчаса медленного размеренного темпа, следователь подошёл к отделению милиции. Пройдя через пост дежурного и несколько коридоров, Волков подошёл к комнате допросов и попросил сотрудника привести к нему Степанова. Пока тот вёл к нему чудным образом вставшего инвалида, майор достал из дипломата свою записную книжку, затем стальную немецкую ручку и маленький пузырёк коньяка. Ожидать пришлось не долго. В комнату завели испуганного мужчину, на вид шестидесяти лет, седовласого и щетинистого. Лицо его было достаточно сухое и исхудалое, а глаза то и дело бегали в разные стороны. На подозреваемом была старая рубашка с несколькими оторванными пуговицами, заправленная выше пупка в старые спортивные синие штаны. На шее красовались подвешенные на нитку очки с толстыми линзами и заушниками с намотанной на них изолентой.

– Гражданин Степанов? – сухо спросил следователь.

– Я! Меня чего, расстреляют?! Ах вы, нелюди, из-за лисьего воротника готовы старика прибить. Я, между прочим, этими вот руками Берлин брал в сорок пятом!

– Надо же, я как раз оттуда приехал, – усмехнулся особист.

– Так меня еще и немец будет расстреливать?! Не бывать такому! Дайте мне пистолет, я прошу честную дуэль!

– Успокойтесь, гражданин Степанов. Безусловно, ваши руки сделали множество великих подвигов, например, кражу воротников у беззащитной женщины. Я пришёл не за этим, тут ваша вина уже доказана. Расстреливать вас никто не станет, посидите в колонии честные лет пять, там ваши руки и не на такое сгодятся.

– Вы для начала представьтесь! – продолжал заведённый старик.

– Вот, это уже правильный вопрос. Меня зовут Волков, Николай Алексеевич. Я начальник следственного отдела КГБ. А вас как зовут?

– Спиридон Михайлович. Степанов. Чем это я так заинтересовал «кгбшников»?

– Меня интересуете не вы, а некий гражданин Добров. Знакомы с ним?

– Да. Замечательный человек! Он меня на ноги мигом поднял, не то что мой терапевт. Ходит как собака сутулая, сделать ничего не может! – с вылетающими слюнями затараторил собеседник.

– Вы, Спиридон, успокойтесь. Лучше расскажите мне о Доброве.

– Не хочу я вам, немцам, что-то говорить!

– Я не немец. Моя фамилия Волков. Ни о чём не говорит?

– Всё равно ничего не скажу. Так и так на зоне пятак сидеть.

Волков пристально вгляделся в места, где через порванные пуговицы торчали фрагменты тощего тела. Внимание привлекла часть татуировки, на которой был изображён Ленин, а под его профилем виднелись буквы «О» и «Р».

– Давайте отвлечёмся, – предложил следователь. – Я так понимаю, вы уже привлекались по похожей статье, верно?

– С чего бы это?

– У вас татуировка с товарищем Лениным, а внизу написано «ВОР». Как там это у вас переводится? «Вождь октябрьской революции»?

– Да, и что?

– В вашем досье не сказано ни о каких ходках с 1945 года. До этого времени о вас почти нет никакой информации. Если бы не татуировка, то я бы и не подумал, что вы уже сидели.

– Было дело, заскочил по малолетке. С ребятами грабанули булочную, жрать нечего было. Мне за это не стыдно, товарищ майор. Я свою жизнь как смог, так отжил.

– Следствие может пойти к вам на встречу, я могу накатать записку, сядешь не на пять лет, а на четыре. Будешь давать показания?

– Классические уловки следаков. Я такие ещё в детстве в книжках читал.

– Неправильные вы книжки читали, Спиридон Михайлович. Вам повезло, я не совсем классический, как вы выразились, «следак».

Волков кивнул подчинённому, указал на бутылочку коньяка, показал два пальца на руке и подмигнул. Молодой сержантик сразу сообразил и через несколько минут на столе стояли два гранённых стакана.

– Ну так что, давай что-ль по-человечески, по-нашему? Но коньяк немецкий. Импортный.

– А вот немецкий коньяк я уважаю, товарищ майор, ой как уважаю! – сказал старик, облизываясь и поглядывая на красивую бутылку с яркой этикеткой.

– Нет-нет, никакого коньяка, если мы не договоримся на разговор. Будем говорить не как оступившийся и следователь, а как мужик с мужиком, ну, ты сам понимаешь, да? – с улыбкой сказал Волков, подмигнув заядлому алкоголику.

– По рукам, товарищ Волков, ну что…

– Для вас я не следователь Волков, а Коля. Просто Коля. Договор?

– Базару нет, Колян. А я, стало быть, Спиря!

– Хорошо, Спиря, начнём…

Волков налил собеседнику в три раза больше коньяка, а свой напиток между делом разбавил водой. На это не обращал внимания счастливый Спиридон, сжигая в своем желудке горячительное, как печка дрова в холодную зиму. Трясущейся рукой Спиря наливал себе очередной стакан, осушив пузырёк больше, чем наполовину.

– Ты смотри не переусердствуй, – сказал майор. – Лучше скажи, как познакомился с Добровым, при каких обстоятельствах?

– Ох, Коленька, Колян… Увидел я как-то в газетке одной, совсем не популярной, интересное объявление. Что-то по типу: «Рядом с вами открылся кабинет безвозмездной помощи! Каждый желающий может поговорить со специалистом и решить разного рода проблемы!».

– Вот так объявление. И что дальше?

– Попросил я своего кореша, Серёгу, привезти меня к этому специалисту. В очереди сидел часа два, не меньше. Это даже с учётом того, что большинство выходило из кабинета, не пробыв в нём и минуты.

– Странно, почему?

– Я это понял только на приёме. Серёжку то моего попросили выйти, чтобы со мной с глазу на глаз поговорить.

– Так и знал, чтобы мозги запудрить… Продолжайте, – сказал майор и запалил сигарету.

– Специалист этот сразу же спросил у меня, какая мне нужна помощь и почему я её достоин. Так он, видимо, отсеивал желающих.

– Что же вы ему ответили?

– Сказал я ему, что десять лет у бедного старика прикованы ноги к инвалидной коляске. Мне себя обслуживать сложно, вплоть до справления своих нужд. Ну, короче, поссать. Сам понимаешь, да, Колян?

– Понимаю, Спиря, ты говори, говори…

– В общем гнал я ему душещипательные речи минут так пятнадцать, а он меня слушал молча и в глаза смотрел. Спрашивал у меня о моём прошлом, естественно, я ему про ходки в тюрягу то не сказал, а то подумает ещё, что я плохой гражданин. Эм…

– Что ещё спрашивал?

– А, да. Про семью, значится, спрашивал. Получаю ли я льготы, что бы я сделал, если бы снова смог ходить, как в молодости.

– И конечно же вы ему сказали, что сразу сопрёте воротнички?

– Ну что ты, начальник, я ж не могу так сказать. Да и мне тогда не хотелось. Я просто мечтал вновь пройтись по вечерней Москве, с красивой барышней под ручку, без той проклятой коляски. Побегать утром. По порожкам походить.

– Расскажите, как он вас вылечил? По щелчку пальца?

– Нет, товарищ особист, он снял с себя какую-то безделушку, похожую на кристалл, положил её мне на руку и что-то прошептал, не отрывая от меня глаз, потом поводил по ногам. Жутковато было, если честно.

– Больше ничего не делал?

– Нет. Сказал, что сеанс окончен. Ещё добавил, что на следующее утро я почувствую изменения. Также настоятельно просил не возвращаться, не

присылать ему что-то в знак благодарности, и никому не говорить о существовании кабинета.

– Не понимаю, он сказал никому не говорить, а сам поместил объявление в газету. Что-то не сходится… – прищурившись, сказал следователь.

– Так вот. Я ему этот вопрос и задал, на что он мне сказал, что его сами найдут те, которым на самом деле нужна помощь. Загадочно это всё как-то…

– Хорошо. Что-нибудь странное вы заметили, когда были в его кабинете?

– Ничего. Выглядел он прилично, заумно, доверительно. Ему, наверное, как и мне, лет шестьдесят. Везде висели какие-то грамоты, благодарности, медали. Фотографии были, да. Даже с Брежневым!

– Вот оно как… Дело обретает серьёзный поворот… – задумчиво сказал Волков, затягивая сигару.

Наступило молчание. Спиридон до последней капли налил коньяка, выдохнул, и залпом выдул всё содержимое стакана. Следователь, видя, что допрашиваемый скоро достигнет кондиции, в которой даже с крысой было бы разговаривать куда результативнее, задал несколько последних вопросов:

– Вы у него ничего не пили? Ничего он вам не подсыпал, не давал? Гипноза не было?

– Э-э-э… Нет, гражданин начальник, ничего не было, – ответил Степанов, частенько икая что есть мочи. – Хороший у вас коньяк, мы у немцев тоже его со складов захваченных тырили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shuteev_aleksey/krasnaya-komnata

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить